

МАТЕРИАЛЫ

Х МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА
ИСТОРИКОВ-КАВКАЗОВЕДОВ

Ростов-на-Дону
12-13 октября
2023 г.

НАРОДЫ КАВКАЗА

В XVIII-XXI вв.:

история, политика, культура



УДК 94(47)(063)
1130

*Напечатано при финансовой поддержке
Северо-Кавказского федерального университета*

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. Матишов (отв. редактор)
д.г.н. С.В. Бердников, д.и.н. А.В. Аверьянов
к.филол.н. Н.А. Власкина, к.филол.н. Т.Е. Гревцова
д.и.н. Е.Ф. Кринко, Р.Г. Михалюк

30 **Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура:** материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – 608 с. – ISBN 978-5-4358-0254-2.

В сборнике представлены материалы исследований Северо-Кавказского региона, посвященные изучению его истории, политики и культуры в XVIII–XXI вв. В предлагаемых читателю статьях рассматриваются актуальные проблемы кавказоведения, этнополитические, социально-экономические, демографические, социокультурные и религиозные процессы на Кавказе, а также национально-государственные преобразования, вооруженные конфликты и их последствия, вопросы геополитики и исторической памяти.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
North-Caucasus Federal University
Southern Federal University
The Humanities Foundation “The Caucasus – New Horizons”
Foundation of Regional Research “The Country”

PEOPLES OF THE CAUCASUS in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture

**Proceedings of the 10th International Forum of Historians –
Specialists in the Caucasian Studies
(Rostov-on-Don, 12–13 October 2023)**

Содержание

<i>Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф.</i> Вместо предисловия: форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013–2022 гг.)	5
---	---

Раздел 1. Актуальные проблемы кавказоведения: подходы, оценки, источники

<i>Колесникова М.Е.</i> Археологические исследования на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.: из истории Императорской археологической комиссии	15
<i>Кидирнязов Д.С.</i> Русские и европейские авторы XV – начала XX в. об особенностях социально-экономической жизни ногайцев	23
<i>Бобровников В.О.</i> Кавказский адат в российской науке и политике XVIII–XXI вв.: источники, практики, подходы	29
<i>Колосовская Т.А.</i> Российское имперское кавказоведение в ракурсе концепции ориентализма: к постановке проблемы	37
<i>Ткаченко Д.С.</i> Ориенталистский дискурс российских обозревателей первой половины XIX в. (по материалам записок М.А. Коцебу)	44
<i>Моисеенко А.Ю.</i> Этнография Кавказа глазами русских путешественников XIX в.	51
<i>Сулаберидзе Ю.С.</i> Из истории становления грузинского кавказоведения. М.А. Полиевктов и Я.З. Цинцадзе: учитель и ученик	57
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Советская культурная политика на Кавказе в колониальном дискурсе евразийцев: 1920–1930-е гг.	64
<i>Салакая С.Ш.</i> Новая и новейшая история Абхазии в современной абхазской науке	72
<i>Султанбеков Р.М.</i> Некоторые аспекты российско-горского взаимодействия в трудах современных кавказоведов	75
<i>Дударев С.Л.</i> О новых исследованиях процесса интеграции	

Содержание

595

<i>Магарамов Ш.А.</i> Периодизация российского фронта на Северном Кавказе	89
<i>Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И., Хамзаев или Хасаев?</i> К истории основания г. Хасавюрта	97
<i>Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Тахушева И.С., Сундукова К.А.</i> Изыскания и производство «белого угля» на Северном Кавказе в истории науки	101
<i>Шпагин С.А.</i> Центры кавказоведения в современной Турции	108

Раздел 2. Этнополитические процессы и национально- государственные преобразования на Кавказе

<i>Гапуров Ш.А., Бугаев А.М.</i> Кавказ: сила языка дипломатии и мира (из опыта российско-горских взаимоотношений в XVI–XIX вв.)	115
<i>Курмансеитова А.Х. А.П.</i> Ермолов и реформа государственно- административного управления ногайцами Северного Кавказа в 1820-х гг. (по материалам «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией»)	122
<i>Петров В.Н.</i> Конструирование и деконструкция форм этнотерриториального пространства на Северном Кавказе	128
<i>Состин Д.И.</i> Государственное и общественное управление на Кавказе в феврале – октябре 1917 г.: организация, особенности, последствия	131
<i>Бегуев С.А., Гелиева М.Н.</i> Некоторые аспекты национально-государственного строительства в Чечне и на Северном Кавказе в 1917–1918 гг.	137
<i>Туфанов Е.В.</i> Национальный вопрос в 1920-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций, пленумов)	142
<i>Аманжолова Д.А.</i> РСФСР в 1920-е гг.: проблемы управления разнообразием	149
<i>Гассиева М.А.</i> Национальный вопрос и интеграция Закавказья в советский период: основные аспекты и противоречия	156
<i>Аверьянов А.В.</i> К вопросу об административно-территориальном устройстве Юго-Востока России в 1920-е гг.: планы, перспективы и реализация	161
<i>Эльбуздукаева Т.У., Мадаев М.Х.</i> Политика коренизации	

был популярен *ирам* (айран) – пахта, жидкость, которая выделяется после сбивания сметаны в масло. Для приготовления напитка *сувсын* кислое молоко (*ювырт*) разбавляли чистой холодной водой. Его подавали к жирным мясным блюдам, таким, как инкал (ногайский вариант бешбармака), *блав* (плов) и пили в жару, так как он хорошо утоляет жажду. В праздники ногайцы употребляли кумыс (*кымыз*), приготовленный из кобыльего молока, которое на десять дней закупоривали в кожаных ведрах и оставляли для брожения на солнце, получался напиток подобный вину. Процеженное кислое молоко ногайцы сушили на солнце и употребляли в пищу, например, с мясом или с другими блюдами. Матвей Меховский и А. Олеарий писали, что ногайцы кумыс употребляли как лекарство против заболеваний легких и желудка.

А. Олеарий отметил, что основу пищи ногайцев составляет продукция, полученная после переработки мяса крупного и мелкого рогатого скота, рыбы, птицы, а также злаковые: рис, просо, из которых они пекли лепешки [6: 237]. Какаш и Тектандер указывали, что ногайцы «едят конину и пьют молоко, лошадиное и овечьё, которое они кипятят, квасят и возят за собой в кожаных мешках». На наш взгляд, они ошибаются, когда заявляют, что местному населению «хлеб неизвестен» [6: 182] – многочисленные цитированные выше упоминания об особенностях полеводства у ногайцев говорят об обратном.

Сохранились сведения, что богатые ногайцы употребляли напиток *балбуза*. По описанию процесса изготовления *балбузы* С. Гмелиным, в пяти ведрах воды разводили один пуд меда, в корчагу клали два штофа пивных дрожжей, фунт пшеничной муки и примешивали еще два штофа мяты. Фунт хмеля варили в одном ведре воды до тех пор, пока половина смеси не выварится, из него брали один штоф настоя, вливали в корчагу и ставили в теплое место для брожения на три-четыре часа. Эту смесь и то, что осталось в корчаге, вливали в один сосуд и для брожения ставили в теплое место на целые сутки. С. Гмелин писал, что по прошествии суток сливали чистый мед сверху или употребляли его, но если хотели получить «чрезмерно хмельной мед, наливали его в чистый слитый мед опять в другой сосуд», на одну или две недели для скисания и прибавляли «ежедневно по полфунту меду», чтобы от длительного самоброжения мед «своей сладости не потерял» [6: 362].

Исторические сведения в русской и иностранной литературе сохранили некоторые факты о традиционной культуре и быте ногайцев. Авторы, путешествовавшие в Нижнем Поволжье, на Кавказе и в Крыму, записывали произведения фольклора, собирали материал методом наблюдения, опрашивали местное население. Однако никто из них не проводил специального научного исследования по определенной проблеме истории и этнокультуры ногайцев. В их публикациях сохранились разрозненные сведения, которые не дают целостной картины политической, социально-экономической и культурной жизни ногайцев. Труды русских и иностранных

путешественников в земли ногайцев можно использовать лишь как дополнительный материал для исследования.

Источники и литература

1. Броневский М. Описание Крыма Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Кн. VI. Одесса, 1867. С. 333–367.
2. Бенитковский Г.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. С. 34–35.
3. Керейтов Р.Х. Орда пашню пахала на Куме: очерки истории и этнографии кумских ногайцев. [Б. м.], [Б. г.].
4. Кочеев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.
5. Кукаева С.А. Земледельческая лексика ногайского языка. Черкесск, 2001.
6. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII в. / сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1999.
7. Павлов А.М. О нагайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.
8. Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
9. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 26. Вып. 7. Тифлис, 1909. С. 1–34.
10. Филипп Иосифович Капельгородский и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Окончание / публ., предисл. и комм. А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник. Т. 13 (45). М., 2021. С. 139–210.
11. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. II: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
12. Щеглов И. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910.
13. Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

В.О. Бобровников

КАВКАЗСКИЙ АДАТ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ XVIII–XXI вв.: ИСТОЧНИКИ, ПРАКТИКИ, ПОДХОДЫ

Памяти Гасана Оразаева

Изучение адата у горцев Северного Кавказа началось во время российского завоевания региона и разработки режимов косвенного управления нерусскими подданными. Оно продолжалось более 200 лет. За это время собрано и создано множество источников по истории и этнографии так

называемого обычного права, некоторые из которых вошли в число классических памятников адата, а другие только вводятся в научный оборот. Не раз менялись оценки обычного права, подходы к его историческому изучению и практическому применению в законодательстве и судопроизводстве России. Целью данной работы является подведение итогов источниковедческой и историографической разработки этой проблематики. Основное внимание обращено на адат в системе шариатского правосудия на Северо-Восточном Кавказе.

Одна из главных задач работы – поставить точку над «і» в дискуссии о значении понятия «адат», относящегося к числу ключевых в кавказоведении. Его привыкли понимать как бесписьменное «обычное право», противостоящее религиозному праву, шариату [19: 202; 5: 22; 2: 165; 23; 24]. Благодаря исследованиям в этой области кавказоведов [1; 8; 9; 14–16], еще с конца XIX в. Северный Кавказ считается одним из классических регионов бытования адата. В авторитетных энциклопедиях словарные статьи о нем написаны кавказоведами, а в библиографии к ним нередко преобладают работы по кавказоведению [19; 23; 24]. Определение адата как обычного права подразумевает понимание его как самостоятельной правовой системы, отличной от позитивного государственного права. Не отвергая полностью такую оценку, я хотел бы оспорить ее, обратившись к эпистемологии современного кавказоведения.

Первые российские нарративные источники о кавказском адате появились в XVIII в. В 1728 г. участник Персидского похода Петра I И.Г. Гербер написал знаменитое «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» [11: 60–120]. В 1750–1760-е гг. в связи с продвижением Российской империи на Кавказе были составлены военно-политические описания с упоминанием «обычаев» горцев-мусульман, преимущественно в области процессуального, отчасти гражданского и уголовного права. Эти записки еще не ставят целью описать правовые обычаи новых подданных; тут есть лишь краткие характеристики организации управления и дипломатических отношений с местными «владельцами». Сам термин «адат» не используется, хотя разделяются власти и «законы духовные (здесь шариат. – В. Б.) и обычаи» [11: 80, 84, 90, 92, 95, 112 и далее *passim*].

В том же XVIII в. на российском Кавказе составляли документы и нарративные акты по адату на турки, арабском и в русских переводах, которые, к сожалению, ускользнули от внимания большинства современных историков обычного права. Это судебные иски, переписка о них, соглашения (араб. *иттифакат*) о военно-политических союзах, их границах и общих судебныхниках, наконец, выросшие из более ранних шертных грамот временные коллективные договоры с российскими военными властями, включавшие призыв на верность Российской империи, в первую очередь, два федеративных трактата, заключенных в крепости Георгиевск в 1783 и 1802 гг. [3; 4; 7;

10–12; 16–18; 20]. В.В. Трепавлов верно заметил, что они играли роль скорее союзных международных договоров, чем приема в подданство [22: 190]. Возможно, по этой причине в первые десятилетия после включения Дагестана в состав российских владений, согласно Гюлистанскому миру 1813 г., имперское право и адат не пересекались. В адатных судебныхниках (*дафтар*) владений, связанных с Россией договорами, русские и империя не упоминаются [12: 1 об.–6 об.]. В свою очередь, договоры о подданстве молчат про местные правовые обычаи имперского пограничья [10; 11].

В XVIII в. российские власти еще не запрещали законодательно кровную месть, барантование как акт кровной мести и иное превентивное насилие, совершаемое согласно адату, осуждая их, но вместе с тем практикуя. Так, в 1783 г. комендант Кизлярской крепости бригадир И.С. Вешняков поддерживал шамхала Тарковского в ишкильном противостоянии его подданных с сельской общиной Аксаия [20: 374–375]. Под ишкилем в Дагестане до середины XIX в. понималось право кредитора при помощи кунака-гостеприимца захватить имущество односельчан неисправного должника либо вора или же их самих с тем, чтобы их община в свою очередь заставила ответчика полностью удовлетворить истца. В случае успешного решения конфликта и возмещения убытков захваченное в ишкиль возвращалось. В противном случае оно могло быть удержано кунаком истца, а люди проданы в рабство [18, т. 1: 127–131]. Такая практика была вызвана к жизни политической раздробленностью региона и отсутствием в нем единого правового пространства. Вплоть до 1860-х гг. в состав Дагестана входили отдельные владения; последнее из них упразднили в 1867 г.

Отношение к адату резко изменилось в первой половине XIX в. после создания сначала в Сибири, а затем в Казахской степи и на Северном Кавказе колониального, по сути, инородческого управления. Попытки введения в Дагестане общих законов империи провалились. Более того, под влиянием вооруженного джихада имамов Горного Дагестана и Чечни второй трети XIX в. у российских властей возникла устойчивая фобия «мюридизма». Его источником считали османское влияние и введение имамами среди горцев шариатского правления и правосудия. Чтобы противостоять мюридизму, наместник кавказский князь А.И. Барятинский (1856–1862) советовал поддерживать в ущерб шариату горские адаты, а в противовес антироссийски настроенным горской знати и «мусульманскому духовенству» развивать сельскую общину. В этом состояла суть введенного при нем военно-народного управления [7: 3–4], косвенного управления горцами новой туземной элитой под контролем Кавказской армии.

При разработке этого режима, начиная с наместничества князя М.С. Воронцова (1844–1854), офицерам и переводчикам Кавказской армии было поручено записать и систематизировать уголовные, имущественные

и процессуальные правовые обычаи горцев-мусульман, включая описание их социальной иерархии, с целью кодификации адата и включения горской знати в систему российского дворянства через Табель о рангах. Д.С. Бибилов, возглавлявший Канцелярию по управлению мирными горцами при главнокомандующем Кавказской линией, разработал вопросник для этого. К работе были привлечены горцы на русской военной службе [8: 71–74]. В 1864 г. Главный штаб Кавказской армии затребовал от военного начальника Дагестанской области предоставить в Тифлис сборники адатов по каждому из ее девяти округов.

В ответ на эти запросы в округах и наибствах Дагестанской области продолжали записывать адатные судебники на арабском языке и в арабской графике (на азербайджанском языке) вплоть до 1890-х гг. Часть этих записей перевели на русский. Эти тетрадки предполагалось использовать в качестве руководства для горских судов. Однако реализовать проект не получилось. Если начиная со знаменитого «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822) общая установка была на кодификацию адата и шариата, создание в империи разных неравноправных правовых режимов, то с «Великих реформ» возобладала тенденция к унификации имперской юстиции. Для «туземцев-мусульман», как в Кавказском крае стали называть инородцев, судебные уставы 1864 г. не вводились. Они были исключены из общих законов империи до 1920-х гг. Вместо этого в Дагестане была создана единая иерархия народных (горских) судов, опиравшихся на судебный прецедент, частично кодифицированное исламское право и распоряжения военных властей [17: 240–242, 244–245, 248–249, 251, 259].

Более чем полувековая деятельность этих коллегиальных судебных учреждений подарила историкам тысячи, если не десятки тысяч свидетельств о работе смешанного, точнее гибридного, шариатско-адатного имперского правосудия, сохранившихся в оригиналах и копиях в государственных и частных архивах. Конечно, полностью восстановить ход судебного процесса и его связи с дороссийской шариатско-адатной юстицией практически невозможно. Делопроизводство народных (горских) судов было упрощенным, ни адвокатов, ни присяжных заседателей, ни записи прений в них в отличие от российских пореформенных судов не было. На Северном Кавказе потеряли юридическую силу фетвы. Судьи перестали ссылаться на прецеденты соглашений-*иттифак*, как это было принято прежде. Вместе с тем с 1860-х гг. было введено досудебное следствие; записывались требования и координаты участников иска или сделки; указывались участники судебного разбирательства и постановление суда, а порой и апелляции с решениями по ним, введенные в 1860-е гг. [17: 262–263].

Большинство правовых свидетельств работы шариатско-адатной юстиции до сих пор не введено в научный оборот. Вместо юридических

документов и нормативных актов ученые и эксперты сосредоточились на изучении вторичных историко-этнографических, отчасти правовых, нарративных источников, созданных в период подготовки нереализованных проектов кодификации так называемого обычного права кавказских горцев-мусульман. В этой области было два «прорыва». Сначала в последней четверти XIX – начале XX в., а затем во второй трети XX в. появилось несколько важных обзорных работ. Историк права Ф.И. Леонтович обнаружил в архиве Одесского университета военные описания адата замиренных горцев на участках Кавказской линии и издал их в двух выпусках [16]. Третий – по Горному Дагестану – он не успел издать.

Концептуальное осмысление собранных материалов в конце XIX в. по публикациям Леонтовича и архивным источникам на русском языке начал известный историк и социолог права М.М. Ковалевский. В «Законе и обычае на Кавказе» (1890) он разработал оригинальную, хотя и спорную концепцию адата как родового обычного права, уцелевшего в горах Кавказа как реликт первобытного догосударственного строя. Ученый верно отметил единообразие правовых обычаев несмотря на исключительную этнолингвистическую и политическую пестроту региона. По его мнению, род (*тухум*) и соответствовавшее ему обычное право составляли основу организации горского социума. На первобытный адат наложилось множество наслоений от древности, сквозь византийское и затем исламское средневековье, до российского государственного права XIX в., но его основа осталась неизменной [14]. Идеи Ковалевского развили и переработали его ученик В.К. Далгат, советские правоведы А.М. Ладыженский и А.С. Омаров, историк Х.-М.О. Хашаев и этнограф М.А. Агларов. По гипотезе последнего, социальное поле обычного права в регионе составлял не *тухум*, а сельская община, представлявшая собой гражданское общество полисного типа [1: 39].

Леонтович и Ковалевский с их советскими продолжателями внесли огромный вклад в изучение кавказского адата. В научный оборот было внесено множество нарративных и отчасти правовых первоисточников. Вместе с тем многие из этих ученых неправомерно выносили кавказский адат за рамки истории, преувеличивали его преемственность с доисламским средневековьем. Более того, они некритично транслировали сообщения мусульманских критиков адата о его анахроничности и извечном противостоянии шариату. У них можно заметить и следы колониального пренебрежения к обычаям «дикарей» со стороны имперских законодателей, считавших адат, по крылатому выражению Ладыженского, всего лишь «эмбрионом права» [15: 200]. Основой их исследований были вторичные описания кавказского адата российскими наблюдателями и отдельные дороссийские судебники вроде «Гидатлинских адатов». Судебное делопроизводство они дружно игнорировали.

Сопоставление материалов адатного судопроизводства XVIII – первой четверти XX в. с нормативными актами российско-советского и домодерного времени с начала XIV в. позволяет существенно поправить устоявшиеся представления о кавказском адате. Во-первых, первоисточники рисуют его не самостоятельным обычным правом, но скорее правовым обычаем, дополнением к исламскому праву, а после 1860-х гг. – шариатско-имперскому туземному (иностранческому) правосудию, без которого он не может существовать. Это значение вкладывается в синонимы *русум*, *'адат*, *'ака'ид* (араб. мн.ч. от *расм*, *'ада*, *'акида*) [18, т. 1: 158–159, 162, 181, 196], встречающиеся в названиях тетрадок (*дафтар*) адата. В принципе, для характеристики кавказского адата наиболее уместен подход правовой гибридности, обоснованный П. Сартори и П.С. Шаблеем для похожих правовых обычаев в Центральной Азии [21: 12–14]. Все судебники и многие соглашения, на основе которых они были созданы, наряду с адатными содержат множество комментируемых ими процессуальных, уголовных и семейно-имущественных норм шариата, которые этнографы по незнанию объявляли обычноправовыми. Отдельные адаты, вроде упоминавшихся выше ишкиля и баранты, противоречат шариату. Но много больше среди них пояснений его норм о размере брачного дара (араб. *махр*), правил раздела наследства (араб. *ал-фара'ид*), урегулировании кровомщения (араб. *ал-кисас*) и др. Характерно, что арабский язык адатов неправовой, но ключевые слова в нем – шариатские (*кисас*, *фидйа* и др.) [3: 3 об.–7].

Адат привычно ассоциируется с неизменными дедовскими обычаями, но в действительности он динамично менялся, фиксируя не столько преемственность, сколько прецедент очередного изменения правового обычая. По верному замечанию германо-голландского востоковеда М. Кемпера [13: 243], дороссийские адатные судебники имеют преамбулой не отсылку к прошлому, но фразу «это разъяснение на будущее» (араб. *хаза байан ли-йаум ал-гад*) [ср.: 12: 1 об.]. Под влиянием шариатского движения XVII–XVIII вв. сельские конфедерации принимают специальные адатные соглашения (*иттифак*) о переходе к строгим нормам шариата в области наследственного права (*ал-фара'ид*) [4: 36–37, 42, 44–47, 51, 55, 58–59, 106]. После «Великих реформ» Александра II происходит рецепция в адат норм имперского права, особенно в области процессуального права. Новое русское юридическое понятие «сельское общество» переводится для мусульман региона привычным термином «мечетная община» (*джама'а*). Община заменяет конфедерацию (*нахийя*, *джайш*) и ханство в качестве полуавтономного социального поля адата (по С.Ф. Мур) [25]. Только в постсоветскую эпоху, как свидетельствуют мои полевые материалы, адат, утративший правовое содержание, стал пониматься в коллективной культурной памяти дагестанцев как возврат к справедливому прошлому.

В заключение хочется кратко представить типологию адатных правовых текстов на арабском языке, сохранившихся в архивных собраниях и представленных в публикациях [3; 4; 6; 12; 18; 20], но полностью и в динамике еще не охарактеризованных. Огромное значение в них сыграл культурный перевод. Судебное разбирательство по адату происходило на одном из местных языков, но для придания судебному постановлению юридической силы оно записывалось на арабском литературном языке (на юге Дагестана в имперскую эпоху чаще на азербайджанском в арабской графике) и содержало ключевые слова из словаря исламского права. С введением в военноподчиненном управлении апелляций на решения судов сельских обществ и округов появилась традиция двойного перевода арабского делопроизводства с сокращениями на русский язык. Можно выделить следующие основные типы адатных нормативных актов и документов:

1. Соглашения (от араб. ед.ч. *иттифак*) с заключением военно-политического союза и оформлением единого свода адатов между сельскими конфедерациями и этими союзами с горской знатью, а равно между конфедерациями и знатью. Наиболее ранние (и поздние) образцы сохранились в эпиграфике XIV – начала XX в. В Дагестанской области они превращаются в приговоры (протоколы) сельских сходо́в.

2. Судебники (от арабо-осм. *дафтар*), составленные на основе сводов соглашений-*иттифакат*, к которым подшивались и переписывались позднее новые соглашения. Выходят из юридического быта к последней трети XIX в.

3. Судебные иски и переписка, заключающие в себе обстоятельства разбирательства дел и решения по ним, согласно нормам шариата и местным правовым обычаям. Наиболее крупную категорию их составляют письма об ишкиле, бытовавшие до 1860-х гг.

4. Книги решений и нотариальных записей сельских и окружных народных (*дафтар*), позднее шариатских судов последней трети XIX – первой четверти XX в. Включают дела, решенные как по адату, так и по шариату.

5. Религиозно-правовые заключения (*фетвы*) о дозволенности конкретных адатов по запросам как отдельных улемов и простых мусульман, так целых сельских общин и их союзов. В Российской империи теряют юридическую обязательность и превращаются в шариатскую категорию тақрират. Выносятся до сих пор.

Источники и литература

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014.
2. Адат или Адет // Энциклопедический словарь под ред. проф. Е.И. Андрусевского / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1890. С. 165.

3. [‘Адат Гид (араб. Адагы гидатлинцев)] // Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. Махачкала. Ф. 5. Оп. 1. Д. 62.
4. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства в Дагестане XVIII–XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. I–II.
5. Бобровников В.О. Адат // Ислам на территории бывшей Российской империи / сост. С.М. Прозоров. М., 2006. Т. I. С. 22–26.
6. Бобровников В.О. Арабоязычное соглашение (иттифак) как вид нормативного акта в Дагестане XVIII–XIX вв. // Восток. 2003. № 4. С. 43–52.
7. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870.
8. Гаджиев В.Г. Адагы народов Северного Кавказа: опыт источниковедческого анализа // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия «История, философия, право». Баку, 1987. № 2. С. 69–76.
9. Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 19–29.
10. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / отв. ред. А.Н. Артизов. М., 2014.
11. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.
12. [Карабудахкентские адаты] (на араб. яз.) // Фонд восточных рукописей Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. Махачкала. ФМС. Оп. 5. № 128.
13. Кемпер М. Соглашения и сборники ‘адата дагестанских селений и конфедераций XVIII–XIX вв. // Кавказский сборник. М., 2020. Т. 12. С. 238–271.
14. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.
15. Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д., 2003.
16. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Вып. 1–2.
17. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края / собр. Н.М. Рейнке, Н.М. Агишевым и В.Д. Бушеном. СПб., 1912.
18. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М., 2009. Т. 1–2.
19. Омаров А.С. Адат // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 202.
20. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда Кизлярский комендант). Махачкала, 2002.
21. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019.

22. Тренавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М., 2007.
23. Adah // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/adah> (дата обращения: 27.07.2023).
24. Bobrovnikov V., Kemper M. Customary law 4. The Northeast Caucasus // Encyclopaedia of Islam. Three. Vol. 2022-1. / ed. by K. Fleet et al. Leiden, 2022. P. 52–56.
25. Moore S.F. Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study // Law & Society Review. 1973. Vol. 7. No. 4. P. 719–746.

Т.А. Колосовская

РОССИЙСКОЕ ИМПЕРСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ ОРИЕНТАЛИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

К числу активно разрабатываемых направлений в современной историографии относятся исследования, посвященные месту знания и научных институтов в имперской истории [5: 7]. Среди факторов, влиявших на формирование и развитие империй, знание занимало особое место, выступая своеобразным инструментом государственной политики. В современных исследованиях очевиден интерес к роли ученых в процессах строительства империй, влиянию их работ на принятие государственных решений. В этой связи чрезвычайно важно рассмотрение проблемы в региональном измерении и выявление участия ученых в процессах государственного строительства в различных частях Российской империи, в том числе и на ее восточных окраинах.

Кавказ, хотя и располагался не к востоку, а к югу по отношению к политическому центру Российской империи, тем не менее в массовом сознании современников устойчиво ассоциировался с Востоком. Например, когда в 1851 г. выпускник восточного факультета Петербургского университета А.П. Берже изъявил желание для продолжения научной карьеры отправиться в Египет, император Николай I заметил: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет свой восток, это – Кавказ, пусть он туда и отправляется на службу» [9: 729]. В итоге молодой ученый поехал в Тифлис, где ему было суждено провести оставшиеся 35 лет своей жизни.

О географии недавно присоединенных к России кавказских территорий, их природно-климатических условиях и местном населении в центре

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.

- Бегуев Сулейман Ахьятевич* (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова; Академия наук Чеченской Республики, Грозный)
- Бизикова Алина Станиславовна* (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ)
- Бобровников Владимир Олегович* – кандидат исторических наук, профессор (Институт востоковедения Российской академии наук; Санкт-Петербургский государственный университет; Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Санкт-Петербург)
- Боголюбов Александр Александрович* – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории, независимый исследователь (Пятигорск)
- Бугаев Абдулла Махмудович* – кандидат исторических наук (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный)
- Булыгина Тамара Александровна* – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Васкул Игорь Орестович* – кандидат исторических наук, доцент (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)
- Воробьев Сергей Михайлович* – кандидат политических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Гапуров Шахрудин Айдиевич* – доктор исторических наук, профессор (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)
- Гармьшев Денис Александрович* – независимый исследователь (Батайск)
- Гассиева Мадина Александровна* – кандидат философских наук, доцент (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени З.Н. Ванеева, Цхинвал)
- Гелиева Мата Нурулаевна* (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)
- Горюшина Евгения Михайловна* – кандидат политических наук (Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва)
- Гриценко Галина Дмитриевна* – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)
- Гурин Александр Георгиевич* – магистр истории (Русская православная церковь (Московский патриархат), Пятигорская и Черкесская епархия, Архиерейское подворье, собор Святителя Николая Чудотворца, Черкесск)
- Гуртуев Расул Салихович* (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)
- Гучетль Зухра Хачмафовна* – кандидат социологических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп)

- Джумагулова Айгуль Темерхановна* – кандидат исторических наук (Пятигорский государственный университет; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Пятигорск, Элиста)
- Лударев Сергей Леонидович* – доктор исторических наук, профессор (Русское географическое общество, Армавир)
- Еремеева Анна Натановна* – доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Краснодар)
- Ермоленко Людмила Павловна* – кандидат исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Ерохин Алексей Михайлович* – доктор социологических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Жеребцов Игорь Любомирович* – доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)
- Загирова Эльвира Махачевна* – кандидат социологических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)
- Иванова Светлана Юрьевна* – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)
- Идрисов Юсуп Магомедович* – кандидат исторических наук (Исторический парк «Россия – моя история», Махачкала)
- Карданова Ася Хусиновна* – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)
- Кидирниязов Даниял Сайдахмедович* – доктор исторических наук, профессор (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)
- Клычников Юрий Юрьевич* – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)
- Колесникова Марина Евгеньевна* – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Колосовская Татьяна Александровна* – доктор исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)
- Красовицкая Тамара Юсуфовна* – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)
- Кратова Наталья Васильевна* – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)